

СТРУКТУРАЛИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ НАУКИ

Н. В. Бряник

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
e-mail: n.v.brianiuk@urfu.ru

Аннотация. С 60–70-х гг. XX столетия в философии науки идет активный поиск новых подходов в понимании природы науки, поскольку претензия логического позитивизма (как течения, доминирующего в данной области философии) на создание реального образа науки не оправдала себя. Обращение к истории науки рассматривается как наиболее перспективное направление в современных исследованиях науки – философия науки становится историей науки. Цель статьи – обосновать наличие в структурализме оригинальной концепции истории науки, в которой структурный метод исследования статичности/синхронности в развитии науки дополняется историческим анализом динамики, включающей ситуации прерывности/мутаций.

Для раскрытия данной концепции необходимо преодолеть сложившееся даже у специалистов предубеждение об анти-историзме/неисторичности структурализма. В статье обосновывается идея об органичности принципа историзма структурализму, которая конкретизируется привлечением материала об использовании и оценках исторического метода в исследованиях Ф. де Соссюра (языкознание), В. Проппа (фольклористика), М. Фуко (науки о живом и науки о человеке). Структуралистская методология включает два этапа. На первом этапе изучаемый объект рассматривается в его внутренних отношениях и взаимосвязях и выявляются его закономерности при отвлечении от временного параметра. Раскрывается, по сути, внутренняя форма объекта, что дало повод для обвинений структурализма в формализме; тогда как структуралисты представляют данный аспект как статику, синхронность. На втором этапе проводится исторический анализ, учитывающий временную последовательность, динамику, диахронический аспект. Но в отличие от других историко-научных концепций, динамика изучаемого объекта предстает не как линейная и последовательная смена состояний во времени, а как ситуации прерывности, как мутации, отделяющие один слой синхронности от другого. Поэтому историк науки уподобляется геологу (В. Пропп) или археологу (М. Фуко), ведущему раскопки геологических или культурных пластов. Значимость подобной концепции истории науки в том, что она позволяет обратиться к таким областям знания, которые явно недооценивались в позитивистской традиции философии науки – гуманитарным наукам и наукам о живом, и поднять их на теоретический уровень исследования.

Основными методами проведенного исследования стали: сравнительный анализ для обнаружения сходства структуралистских установок отечественных и зарубежных ученых и на разных этапах данного течения, а также общих признаков структурализма в разных областях гуманитарного знания; на основе логического метода выявлена и обоснована последовательность структурного и исторического анализа; критический подход позволил преодолеть устоявшуюся оценку о неисторичности и формализме структурализма.

Новизна полученных выводов заключается в выявлении возможностей структуралистской интерпретации истории науки (и не только гуманитарных областей знания), что приобретает особую значимость в условиях приоритетной направленности современной философии науки на историю науки.

Ключевые слова: структурализм, история науки, структурный метод, исторический метод, синхронность/диахронность, В. Пропп, Ф. де Соссюр, М. Фуко.

Для цитирования: Бряник Н. В. Структуралистская концепция истории науки // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 5. – С. 87–95. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-87>.

STRUCTURALIST CONCEPTION OF THE HISTORY OF SCIENCE

N. V. Bryanik

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
e-mail: n.v.bryanik@urfu.ru

Abstract. Since the 60-70s of the twentieth century in the philosophy of science there has been an active search for new approaches to understanding the nature of science, since the claim of logical positivism (as the dominant current in this area of philosophy) to create a real image of science has not justified itself. Appeal to the history of science is seen as the most promising direction in modern science research - the philosophy of science becomes the history of science. The aim of the article is to substantiate the existence in structuralism of an original concept of the history of science, in which the structural method of studying statics/synchrony in the development of science is complemented by the historical analysis of dynamics, including situations of discontinuity/mutations. In order to reveal this concept, it is necessary to overcome the prejudice that even specialists have about anti-historicism/non-historicism of structuralism. The article substantiates the idea of the organicity of the principle of historicism to structuralism, which is concretised by involving the material on the use and evaluation of the historical method in the studies of F. de Saussure (linguistics), V. Propp (folkloristics), M. Foucault (living and human sciences). Structuralist methodology includes two stages. At the first stage, the object under study is considered in its internal relations and interrelations and its regularities are revealed with the abstraction of the temporal parameter. What is revealed is essentially the internal form of the object, which gave rise to accusations of formalism in structuralism; whereas structuralists present this aspect as statics, synchronicity. The second stage is historical analysis, which takes into account the temporal sequence, dynamics, diachronic aspect. But unlike other historical-scientific concepts, the dynamics of the studied object does not appear as a linear and sequential change of states in time, but as situations of discontinuity, as mutations separating one layer of synchrony from another. Therefore, the historian of science is likened to a geologist (V. Propp) or an archaeologist (M. Foucault) excavating geological or cultural strata. The significance of such a concept of the history of science is that it allows us to address such areas of knowledge, which were clearly underestimated in the positivist tradition of the philosophy of science - the humanities and the sciences of living things, and to raise them to the theoretical level of research.

The main methods of the research were: comparative analysis to find out the similarity of structuralist attitudes of domestic and foreign scientists and at different stages of this trend, as well as common features of structuralism in different areas of humanitarian knowledge; on the basis of the logical method the sequence of structural and historical analysis was identified and justified; the critical approach allowed us to overcome the established assessment of non-historicity and formalism of structuralism.

The novelty of the findings lies in the identification of the possibilities of structuralist interpretation of the history of science (and not only of the humanities), which is particularly important in the context of the priority focus of modern philosophy of science on the history of science.

Key words: structuralism, history of science, structural method, historical method, synchronicity/diachrony, V. Propp, F. de Saussure, M. Foucault.

Cite as: Bryanik, N. V. (2025) [Structuralist conception of the history of science]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 87–95. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-87>.

Введение

Если задать более широкий контекст, который позволит обосновать актуальность предлагаемой темы, то, по сути, речь должна идти о стратегии развития такой области современной философии как философия науки. В 50–60-е гг. XX столетия специалисты по философии науки констатируют ситуацию кризиса тех моделей науки, которые выстраивали представители доминирующего в данной области течения –

логического позитивизма. Неслучайно поэтому следующий за ним период в философии науки называется *постпозитивизмом*, в котором разрабатывается несколько направлений. Но при этом представители постпозитивизма однозначно признают, что среди возникших направлений главенствующее положение занимает поворот философии науки к истории науки. Необходимость обращения к истории науки образно выразил один из ярких представителей постпозити-

визма И. Лакатос, который заявил: «Философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа» [2, с. 203]. Если оценить постпозитивистские версии истории науки (Т. Кун, К. Поппер, И. Лакатос и др.), то нельзя не признать, что при всей их новации они все-таки возвращаются в круг проблем, заданном позитивистской традицией, хотя и через критику принципиальных положений данной традиции. Тем больший интерес представляют радикально отличающиеся интерпретации истории науки, одной из которых, на наш взгляд, и является структуралистская ее интерпретация.

При этом заявленная в названии статьи тема не может не вызвать ставящего ее под сомнение вопроса – и вот почему: ведь в качестве отличительной черты структурализма, как правило, называют анти-историзм. В отечественной философии советского периода, оценивающей западную философию с позиций диалектического материализма, структурализм из-за абстрагирования от изменений, происходящих во времени, и обращения к развитому состоянию изучаемых объектов однозначно квалифицировался как метафизика (в данном случае антипод диалектики).

Но когда познакомишься с базовыми положениями данного течения не по оценкам критиков, а непосредственно по работам его представителей, то становится очевидно, что структуралисты на материале истории науки разработали весьма оригинальную концепцию исторического исследования, что дает основание для включения принципа историзма в его основоположения. Мы ставим перед собой цель обосновать наличие в структурализме целостной концепции истории науки, в которой собственно структурный метод (обращен к статике/синхронии) органично дополняется историческим анализом (обращен к динамике).

Трактовка соотношения структурного и исторического методов представителями структурализма

Репрезентативной фигурой для понимания сложившегося положения дел с принципом историзма в структурализме можно считать М. Фуко. В интересующем нас контексте можно сказать, что в 60-х гг. он переходит к активному исследованию истории науки, подтверждением тому служат его произведения – «Слова и вещи: археология гуманитарных наук» [14], «История безумия в классическую эпоху» [10], «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» [12], «Рождение клиники. Археология медицинского восприятия» [13], «История сексуальности» [11], «Археология знания» [8]. Во всех этих работах он реализует *археологию* как оригинальную методологию исследования истории науки.

В указанный период сложилась достаточно парадоксальная ситуация, когда М. Фуко категорично отказывался от отнесения его к структуралистам, но при этом всячески настаивал на значимости в его исследованиях исторической методологии, объединяя круг приведенных выше работ понятием «археологическая серия». С нашей точки зрения, в творчестве данного мыслителя переход от того, что считалось собственно структурным анализом, к археологической серии есть не что иное, как проявление внутренней логики развития *методологии* структурализма, в которой реализуется *концепция* данного течения.

При этом необходимо иметь в виду немаловажное обстоятельство, а именно: выстраивание археологической серии данным мыслителем было возможно в 60–70-е гг. XX столетия в философском пространстве именно Франции, где, по оценке М. Фуко, «история наук ... заняла ... центральное место» [9, с. 47]. Вот какие пояснения по поводу философских дискуссий французских интеллектуалов в данный период мы находим у него: «во Франции именно история наук послужила основой для возвращения к философскому вопросу о том, что такое Просвещение, – и он констатирует, – вот уже в течение полутора столетий история наук с очевидностью выступает в качестве ставки в философской игре» [9, с. 46–47]. В условиях господства на Западе дискурса логического позитивизма, М. Фуко своеобразие философской проблематики в своей стране видит в том, что «во Франции мало логиков, но изрядное число историков науки» [9, с. 43].

Важно составить адекватное представление об отношении к историческому методу в период становления структурализма. Для этого мы должны обратиться к началу прошлого столетия – 10–20-м гг., когда в ряде областей гуманитарного знания (литературоведении, лингвистике, фольклористике, теории искусства и др.) возникло течение, которому критики дали название «русский формализм», связанный с именами В. Проппа, В. Шкловского, В. Жирмунского, Ю. Тынянова и др. Самые известные представители французского структурализма откровенно заявляли о сходстве их собственных идей с исследованиями русских формалистов. Так у К. Леви-Стросса мы находим: «Идеи русской формальной школы не были забыты. Сначала они были усвоены и распространены в Европе., затем ... их восприняли в Соединенных Штатах» [3, с. 400]. Особо значимыми для него стали исследования В. Проппа. С определенными оговорками он вынужден был признать: «Что прежде всего поражает в работе Проппа, так это глубокое предвосхищение позднейших исследований в той же области. Те, кто приступил

к структурному анализу устной литературы примерно в 1950 г., не будучи прямо знаком с исследованиями Проппа, предпринятыми за четверть века до этого, не без изумления обнаружат в его работе многие формулировки и даже целые фразы, которых они вовсе у него не заимствовали» [3, с. 410–411]. Когда К. Леви-Стросс упоминает о распространении идей русских формалистов в Европе, то в первую очередь он имеет в виду Пражский лингвистический кружок (активная деятельность которого приходится на 20–40-е гг.), связанный с именем Р. Якобсона, в силу обстоятельств «отпочковавшийся» от русских формалистов [15].

Вопрос о соотношении структурных и исторических методов для упомянутых выше исследователей был не частным и не второстепенным, а имел принципиальное значение, связанный с самой сутью и спецификой структурализма как оригинального течения. В данном случае интерес для нас представляет творчество В. Проппа, так как интересующая нас проблема была для него предметом специального обсуждения в ходе полемики с К. Леви-Строссом.

Оценивая сложившуюся ситуацию в области изучения фольклора (объект его интереса русские волшебные сказки), В. Пропп признает отставание этих исследований от других гуманитарных наук; для выхода на теоретический уровень он как раз и использует структуралистскую методологию. С помощью структурного анализа он выявил общую схему/модель волшебных сказок. Эту модель-схему он выразил в виде знаковой системы, элементами которой стали функции-действия основных персонажей сказки, а структурой – отношения между этими элементами.

Оригинальность, значимость и результативность использованной методологии как раз и была высоко оценена французским структуралистом К. Леви-Строссом. Вместе с тем он высказал ряд критических замечаний, что вылилось в 60-е г. в полемику между данными специалистами. В статье «Структура и форма: размышления об одной работе Владимира Проппа» К. Леви-Стросс отмечает, что сторонники структурного подхода склонны к абсолютизации формы, что нередко приводит их к формализму; в свою очередь, формализм грешит таким недостатком как *неисторичность*. Это критическое замечание было непосредственно высказано в адрес В. Проппа.

Отечественный мыслитель не принимает подобного обвинения, а в ответ в качестве аргумента приводит свое исследование 1946 г. «Исторические корни волшебной сказки» [4], раскрывая замысел данной работы так: «она начинается с изложения тех положений, которые развиты в «Морфологии»

(«Морфология сказки» – Н.Б.) .., установив единство композиции волшебных сказок, я должен был задуматься о причине такого единства. Что причина кроется не в имманентных законах формы, а что она лежит в области ранней истории или, как некоторые предпочитают говорить, до истории, т.е. той ступени развития человеческого общества, которая изучается этнографией и этнологией, для меня было ясно с самого начала» [6, с. 571]. В своем исследовании В. Пропп подошел к необходимости понять, чем определяется структурное единство волшебных сказок. Для научного подхода стремление раскрыть причины обнаруженной закономерности необходимый этап, и он чрезвычайно важен. Сам он об этом пишет так: «я не отвернулся от морфологического анализа, а стал искать исторические основы и корни той системы, которая открылась в сравнительном изучении сюжетов волшебной сказки. «Морфология» и «Исторические корни» представляют собой как бы две части или два тома одного большого труда. Второй прямо вытекает из первого, первый есть предпосылка второго» [6, с. 571]. Как видим, для В. Проппа структурный анализ [5] с необходимостью завершается историческим [4], поэтому обвинения в неисторичности (а вместе с этим и в формализме) вряд ли проходят. Исследователь устанавливает порядок данных этапов анализа, он должен быть именно таким – сначала идет собственно структурный анализ, который конструирует объект исследования (модель-схему волшебных сказок), а причину, объясняющую, почему объект именно таков, раскрывают на следующем этапе исторического анализа.

Подлинно научный метод, по В. Проппу, – это органическое сочетание структурного и исторического анализа как двух следующих друг за другом этапов. Что дает подобное исследование, сам он подытоживает таким образом: «Только после изучения формальной системы сказки и определения ее исторических корней окажется возможным объективно и научно раскрыть заложенный в сказке интереснейший и весьма значительный мир народной философии и народной морали в их историческом развитии. В этом отношении сказка показала бы слоистое строение, наподобие слоям геологических отложений. В ней сочетаются древнейшие пласты, наряду с более поздними и современными» [6, с. 580].

Последний тезис о геологических слоях/пластах, которые можно обнаружить в этой разновидности сказок, представляет особый интерес. Здесь явно напрашивается сравнение с исторической методологией М. Фуко, представленной его археологической серией. Ведь в геологических пластах В. Проппа отлагаются ступени продвижения духовного творчества

народа, как в археологических слоях М. Фуко обнаруживаются отложения культуры разных периодов.

Обращаясь к истории возникновения и развития структуралистских идей, нельзя не упомянуть и вклад швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра, с именем которого связывают создание Женевской лингвистической школы; его лекции по «Курсу общей лингвистики» были опубликованы представителями данной школы в 1916 г. Он прошел в языкознании в начале XX ст. близкий путь – для открытия законов лингвистики он вводит структурные методы, при этом полагая, что открытая им методология может быть использована и в других науках. Вот что он заявляет: «в интересах всех ...наук следовало бы более тщательно разграничивать те оси, по которым располагаются входящие в их компетенцию объекты. Всюду следовало бы различать... 1) *ось одновременности* ..., касающуюся отношений между сосуществующими явлениями, где исключено всякое вмешательство времени, и 2) *ось последовательности*, по которой располагаются все явления первой оси со всеми их изменениями» [7, с. 81]. По ходу исследования в разных контекстах он конкретизирует выделенные оси, отмечая при этом внутреннюю раздвоенность лингвистики на *статическую* и *эволюционную*; если первая рассматривает «состояния языка», то вторая – последовательность, в которой эти состояния сменяют друг друга. Наиболее известной, а для его методологии базовой, стала оппозиция «синхрония – диахрония». Вот какое различие он проводит, давая им определение: «Синхронично все, что относится к статическому аспекту нашей науки, диахронично все, что касается эволюции» [7, с. 82].

Обнаруживая этапы в развитии лингвистики, он квалифицирует их как этапы классической/традиционной и современной лингвистики, различая их по принципам, законам и методам. С точки зрения Ф. де Соссюра, в современной лингвистике преобладает диахрония, тогда как в традиционной присутствуют оба подхода, но они неравноценны – исторический аспект разработан явно недостаточно. В противовес сложившемуся положению дел, Соссюр считает, что в современной ему лингвистике «синхронический аспект должен превалировать над диахроническим, так как для говорящих только он – подлинная и единственная реальность» [7, с. 82]. Научный подход в лингвистике возможен только при обращении к *состояниям языка* (т. е. к синхронии) еще и потому, что именно их анализ позволяет обнаружить законы. Этим как раз и занимается грамматика. А вот в диахронии представлены второстепенные и вовсе не закономерные, а случайные факторы изменения языка. Отмежевываясь от господствовавшей в начале XX ст. эволюционной

лингвистики в силу указанного выше аргумента, Соссюр вовсе не намерен реанимировать классическую лингвистику, поскольку она не была *опытной наукой*. И в этом критическом замечании мы видим еще один критерий научности, которого он последовательно придерживается (иметь дело с языковой реальностью, открывать в лингвистике законы). Выражено у него это так: «традиционная грамматика... нормативна и считает нужным предписывать правила, а не констатировать факты» [7, с. 83]. Поэтому сам он делает акцент на языковых фактах, которые извлекаются из состояний языка методами синхронии и позволяют судить о языковых реалиях. Признавая абсолютную противоположность синхронического и диахронического подходов, между которыми невозможен никакой компромисс, сам Соссюр (и уже из изложенного выше это становится понятно) занимает позицию, при которой лингвистике «...предстоит вернуться к статической точке зрения *традиционной грамматики*, но уже *понятой в новом духе*, обогащенной новыми приемами и обновленной историческим методом, который... косвенно помогает лучше осознавать состояния языка» [7, с. 83].

Таким образом, искомая в лингвистике языковая реальность создается посредством синхронического метода, который подчиняет себе диахронический, а его Соссюр по сути отождествляет с историческим методом. Этот вывод позволяет понять, почему лингвистическая концепция данного исследователя квалифицируется как структурная.

Проведенный экскурс позволяет утверждать, что как в истоках возникновения структурализма, так и на этапе, когда были реализованы все его возможности, методология данного течения основана на признании взаимного дополнения собственно структурного и исторического методов анализа, которое (дополнение) и позволяет последовательно осуществить научное исследование в гуманитарных областях знания, причем на теоретическом уровне.

История науки в трактовке французских структуралистов: Ж. Кангильем и М. Фуко

От трактовки соотношения структурного и исторического методов представителями структурализма перейдем к особенностям понимания второго преимущественно представителями второй волны этого течения (60–70-е гг.) и уже конкретно на материале истории науки. В центре нашего внимания будет М. Фуко с его археологическими исследованиями, и одновременно в параллель мы возьмем идеи Ж. Кангилема, к которым апеллирует первый, раскрывая саму суть своего подхода к истории наук (именно так чаще все-

го фигурирует в переводах данная область знания – история наук, а не история науки).

Первое, что следует отметить, – это круг наук, история которых представляет для них интерес. И уже здесь проявляется их оригинальность. Вот что по этому поводу мы находим у М. Фуко: «...история наук долгое время занималась ... только немногими «благогородными» дисциплинами, которые это свое достоинство получили благодаря древности своего происхождения, высокой степени формализации ..., а также благодаря тому их привилегированному положению, которое было отведено им в позитивистской иерархии наук. <...> Кангилем перевернул проблему. Центром своей работы ... он сделал историю биологии и медицины... Он ... спустил историю наук с вершин (математика, астрономия, галилеевская механика, ньютоновская физика, теория относительности), обратившись к тем областям, где знания гораздо менее дедуктивны» [9, с. 47–48]. М. Фуко и своим творчеством подтверждает этот разворот к иной подсистеме наук, не втянутой традиционной философией науки в рассмотрение, – это науки о живом, медицина, языковедение, экономические и юридические науки и др.

Второе. Принципиально важный момент для структуралистской версии истории науки связан с признанием темы «прерывности» в развитии науки, в противовес идее «квазинепрерывности» (термин, используемый М. Фуко), которая связана с интерпретацией истории науки как непрерывного продвижения к достижению истинного знания. «Здесь знания не будут рассматриваться в их развитии к объективности, – отмечает М. Фуко, – которую наша современная наука может наконец признать за собой» [14, с. 35]. Эти пояснения не могут не вызывать ассоциаций с куновской концепцией научных революций, а когда начинаешь соотносить время издания книги Т. Куна «Структура научных революций» – 1962 г. и книги М. Фуко «Слова и вещи» – 1966 г., то ощущение сходства усиливается. Но ведь М. Фуко нас убеждает, что все взрастила французская философская почва. Так, вводимое Ж. Кангилем положение о прерывности он объясняет так: «... он вновь обратился к теме «прерывности» «discontinuite», теме столь же старой, ... как и сама история наук. Историю наук, как это отмечал еще Фонтенель, как раз и отличает внезапное рождение некоторых наук «из ничего», чрезвычайно быстрое появление таких достижений, которые никто не мог даже и предположить» [9, с. 48].

Эти прерывности Ж. Кангилем и М. Фуко, используя язык наук о живом, называют *мутациями*, в ходе которых происходит разрыв с предшествующими основаниями науки, когда трансформируется объект изучения и осуществляются самые разноо-

бразные преобразования в виде переработок и переделок самого содержания науки и пр. Вот одна из конкретизаций того, что собой представляет мутация/прерывность: «...то, что долгое время казалось тупиком, оказывается в один прекрасный день спасительным выходом, какой-нибудь факультативный опыт становится центральной проблемой, вокруг которой начинают располагаться все остальные, незначительное отклонение превращается в фундаментальный разрыв» [9, с. 49].

Третье. Но если мутации приводят к таким масштабным и многомерным изменениям, то что собой должна представлять история науки и кто вообще способен охватить подобные изменения? Интересующие нас мыслители задаются этими вопросами, а ответы, которые мы находим, идут в логике структуралистского подхода. Так, по мнению М. Фуко, ни один представитель конкретной науки не сможет выстроить историю своей науки. Это прерогатива *эпистемолога*, статус и «цель которого – выяснить, исходя из чего стали возможными познания и теории, в соответствии с каким пространством порядка конструировалось знание; на основе какого исторического *a priori* и в стихии какой позитивности идеи могли появиться, науки – сложиться..., рациональности – сформироваться...» [9, с. 34]. Таким образом, историк науки как эпистемолог исследует эпистему как особый порядок мышления/знания, который ограничен определенными пространственно-временными рамками. Мутации как раз и приводят к смене эпистем; тогда выходит, что прерывности/разрывы/мутации означают смену порядка мышления/знания; и эпистемы отделяются друг от друга как геологические пласты (этот образ структуралисты активно используют) в геологии или как культурные слои в археологии. Вот поэтому у М. Фуко были все основания так определить специфику своего подхода: «Речь идет не столько об истории в традиционном смысле слова, сколько о какой-то разновидности «археологии»» [9, с. 35]. Отсюда и подзаголовок книги «Слова и вещи» – «Археология гуманитарных наук» (1966), есть у него и теоретическая работа с названием «Археология знания» (1969). Французский структуралист ведет своеобразные «археологические раскопки» – он вскрывает пласты в порядках мышления/знания, т. е. проводит диахронический анализ, прорываясь к синхроническим слоям – эпистемам. Словами самого М. Фуко это формулируется так: «...археология, обращаясь к общему пространству знания, определяет синхронные системы, а также ряд мутаций, необходимых и достаточных для того, чтобы очертить порог новой позитивности» [9, с. 35].

И, наконец, *четвертое*. Что собой представляет история науки в свете эпистем, т.е. через какие порядки мышления/знания она прошла? Этот вопрос М. Фуко последовательно и единообразно решает во всех ранее упомянутых работах, выявляя в разных областях науки следующую закономерность: «...археологическое исследование обнаруживает два крупных разрыва в *эпистеме* западной культуры: во-первых, разрыв, знаменующий начало классической эпохи (около середины XVII века), а во-вторых, тот, которым в начале XIX века обозначается порог нашей современности» [9, с. 35]. Выходит, согласно «археологическим раскопкам» французского структуралиста, западноевропейский порядок мышления претерпел две мутации и, соответственно, включает три эпистемы (две из них уже в прошлом, а в настоящем господствует уже третья эпистема) – *возрожденческую, классическую и современную*. *Возрожденческая эпистема* держится на сопричастности мира слов и мира вещей; в *классической* – мир вещей дается в пространстве представлений, слова рассматриваются лишь как способ их выражения, когда «язык утрачивает свое привилегированное место» [9, с. 36], а тождества и различия выявляются в пространстве таблицы; в *современной эпистеме* время и история включаются в порядок знания, и «человек ... впервые вступает в сферу западного знания» [9, с. 36]. И все это не остается лишь в своей теоретической постановке – М. Фуко реализует целую археологическую серию в упомянутых ранее науках: науки о жизни, медицина, языкознание, экономика, юриспруденция и др.

Завершая рассмотрение структуралистской версии истории науки, нельзя не отметить, что она максимально приближена к раскрытию *природы науки*. Так, без анализа трех выделенных М. Фуко эпистем сложно понять, что собой представляют современные биология, уголовное право, психиатрия, филология и др. области знания. Может быть, именно поэтому в конце 60-х он весьма категорично отказывался связывать себя со структурализмом, сознательно соотнося свои исследования с историей науки. Здесь, наверное, уместно воспроизвести ранее высказанную оценку – философия науки становится историей науки.

Заключение

Сегодня философия науки находится в поиске путей своего дальнейшего развития. Почти двухсотлетнее господство позитивистской традиции, завершившейся рафинированной формой логического позитивизма и нашедшей своеобразное продолжение в аналитической философии, а по проблематике и в постпозитивизме, не единственная возможность развития значимой для научно-технологической цивилизации области философии. Нацелены на раскрытие реальной науки исследования в области *социальной философии науки, философской культурологии науки*, но при этом поворот философии науки к истории науки признается лидирующим направлением в этом движении. Значимость истории науки для философии науки нашла отражение в сфере высшего образования – неслучайно сегодня аспиранты всех специальностей осваивают дисциплину *история и философия науки* (по которой предусмотрена сдача экзамена), ведь именно история науки позволяет проникнуть в реальный ход развития науки и обнаружить ее закономерности.

У специалистов в области истории науки есть выбор, в какой интерпретации ее представлять. Структуралистская версия истории науки представляет интерес для специалистов всех отраслей науки – не только для гуманитарных, но и для естественных, математических и технических наук [1].

Логика развития базовых положений данного течения с необходимостью приводит к дополнению структурных методов исследования историческими. Это можно проследить как в истоках становления структурализма, так и концепциях его наиболее известных представителей второй половины XX в. История науки стала важной темой структуралистских исследований во Франции. «Археологическая серия» М. Фуко является ярким примером структуралистской интерпретации истории науки: она обращена к наукам о человеке и наукам о живом; эпистемы (как определенные порядки мышления) раскрывают синхронические аспекты существования науки, которые в результате мутаций/прерывностей в диахроническом аспекте представляют возрожденческую, классическую и современную эпистемы.

Литература

1. Бряник Н. В. Концепция структурного закона и методология структурализма в неклассической науке // Вопросы философии. – 2020. – № 1. – С. 74–84. – <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-1-74-84>. – EDN: LTAVNY.
2. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки: сборник переводов / сост., вступ. ст. и общ. ред. Б. С. Грязнова и В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1978. – С. 203–269.
3. Леви-Стросс К. Структура и форма: размышления об одной работе Владимира Проппа // Семиотика: сборник статей, переводы / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М. Радуга, 1983. – С. 400–428.

4. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Ленинград: Издательство: ЛГУ, 1946. – 370 с.
5. Пропп В. Я. Морфология сказки / Из неперидической серии, издаваемой отделом словесных искусств «Вопросы поэтики». Вып. XXII. – Ленинград: ACADEMIA, 1928. – 153 с.
6. Пропп В. Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки // Семиотика: сборник статей, переводы / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 566–584.
7. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
8. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. Б.Р. Левченко. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
9. Фуко М. Жизнь: опыт и наука // Вопросы философии, 1993. – № 5. – С. 43–53.
10. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / Пер. с фр. И. К. Стаф. – М.: АСТ, 2010. – 698 с.
11. Фуко М. История сексуальности – III: Забота о себе / Пер. с фр. Т. Н. Титовой и О. И. Хомы. – Киев: Дух и литера; М.: Грунт, 1998. – 288 с.
12. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. – Пер. с фр. В. Наумова. – М.: Ad Marginem, 1999. – 479 с.
13. Фуко М. Рождение клиники. – Пер. с фр. А.Ш. Тхостова. – М.: Смысл, 1998. – 310 с.
14. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. – СПб., А-скад, 1994. – 407 с.
15. Якобсон Р. О. Формальная школа и современное русское литературоведение / Ред.-сост. Т. Гланц; Ред. Д. Сичинава; Перев. с чеш. Е. Бобраковой-Тимошкиной. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 280 с.

References

1. Bryanik, N. V. (2020) [The concept of structural law and the methodology of structuralism in non-classical science]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Moscow: Science, Vol. 1, pp. 74–84. (In Russ.).
2. Lakatos, I. (1978) [History of Science and Its Rational Reconstructions. Structure and Development of Science]. *Struktura i razvitiye nauki. Bostonskikh issledovaniy po filosofii nauki: sbornik perevodov* [Boston Studies in the Philosophy of Science: collection of translations]. Moscow: Progress, pp. 203–269. (In Russ.).
3. Levi-Strauss, K. (1983) [Structure and Form: Reflections on a Work by Vladimir Propp]. *Semiotika: sbornik statey, perevody* [Semiotics: collection of articles, translations]. Moscow: Rainbow, pp. 400–428. (In Russ.).
4. Propp, V. Ya. (1946) *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Historical roots of the magic fairy tale]. Leningrad: Publishers: LSU, 370 p.
5. Propp, V. Ya. (1928) [Morphology of the fairy tale]. *Iz neperiodicheskoy serii, izdavayemoy otelom slovesnykh iskusstv «Voprosy poetiki»*. Vyp. XXII [From the non-periodical series published by the department of verbal arts 'Questions of Poetics']. Leningrad: ACADEMIA, 153 p. (In Russ.).
6. Propp, V. Ya. (1983) [Structural and historical study of the magic fairy tale]. *Semiotika: sbornik statey, perevody / sost., vstup. st. i obshch. red. YU. S. Stepanova* [Semiotics: A collection of articles, translations / co-edited, introductory article and general ed. by Y. S. Stepanov]. Moscow: Rainbow, pp. 566–584. (In Russ.).
7. Sossur, F. de. (1999) *Kurs obshhej lingvistiki* [Course of General Linguistics]. Yekaterinburg: Publis. Ural. un-ty, 432 p.
8. Foucault, M. (1996) *Arxeologiya znaniya* [Archaeology of Knowledge]. Kiev: Nika-Centre, 208 p.
9. Foucault, M. (1993) [Life: experience and science]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Vol. 5, pp. 43–53. (In Russ.).
10. Foucault, M. (2010) *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [A History of Madness in the Classical Era]. Moscow: ACT, 698 p. (In Russ., transl. from French).
11. Foucault, M. (1998) *Istoriya seksual'nosti – III: Zabota o sebe* [History of Sexuality – III: Care of the Self]. Kyiv: Spirit and Literature; Moscow: Grunt, 288 p. (In Russ., transl. from French).
12. Foucault, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdeniye tyur'my* [To Supervise and Punish: The Birth of Prison]. Moscow: Ad Marginem, 479 p. (In Russ., transl. from French).
13. Foucault, M. (1998) *Rozhdeniye kliniki* [The Birth of the Clinic]. Moscow: Sense, 310 p. (In Russ., transl. from French).
14. Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things. Archaeology of the Humanities]. St. Petersburg, A-cad, 407 p. (In Russ., transl. from French).
15. Jacobson, R. O. (2011) *Formal'naya shkola i sovremennoye russkoye literaturovedeniye* [Formal School and Modern Russian Literary Criticism]. M.: Languages of Slavic Cultures, 280 p. (In Russ., transl. from Czech).

Информация об авторе:

Надежда Васильевна Бряник, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры онтологии и теории познания, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

ORCID iD: 0009-0000-5298-533X

e-mail: n.v.brianik@urfu.ru

Статья поступила в редакцию: 29.04.2025; принята в печать: 30.09.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Nadezhda Vasilievna Bryanik, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

ORCID iD: 0009-0000-5298-533X

e-mail: n.v.brianik@urfu.ru

The paper was submitted: 29.04.2025.

Accepted for publication: 30.09.2025.

The author has read and approved the final manuscript.